

Микаэл Ханьян

*Беседы с ангелом
по имени Билл*

Микаэл Ханьян

Беседы с ангелом по имени Билл

«Издательские решения»

Ханьян М.

Беседы с ангелом по имени Билл / М. Ханьян — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748831-4

«Беседы с ангелом по имени Билл» — философская повесть, в которой использование автором «мистического» ракурса позволяет читателю по-новому взглянуть на вполне знакомые вещи и явления. «Беседы с ангелом...» — это современная притча о любви и о том, какое это счастье — жизнь.

ISBN 978-5-44-748831-4

© Ханьян М.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Знакомство	7
Привычка – вторая натура	9
Некролог – дело серьёзное	11
Некролог – дело ещё более серьёзное	12
О смерти с улыбкой	13
Неслабый пол	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Беседы с ангелом по имени Билл

Микаэл Ханьян

Посвящается Лиз

© Микаэл Ханьян, 2016

© Василий Шейбсак, иллюстрации, 2016

ISBN 978-5-4474-8831-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

или Несколько слов о том, как всё это началось

Как всё это началось, теперь уже не припомнить. И не потому, что было это давно, а оттого, что с некоторого времени беседы с ангелом стали для меня чуть ли не повседневным занятием, – а всякому понятно, что если вы занимаетесь чем-то достаточно регулярно, то какие-то детали и подробности забываются. Собственно говоря, я и записывать эти разговоры стал именно потому, что довольно быстро понял: не буду записывать – никто не поверит. Впрочем, мне и так не поверят, а потому пишу я всё это сам для себя. Так сказать, для внутреннего потребления.

Короче, жил я себе был, ничего из себя особенного не представлял и ни о чём *этаким* не помышлял. Задним числом я пытался, конечно, найти какую-то логику. Ну, будь я гением или хотя бы большим талантом – я бы ещё понял: так сказать, *там* заметили и решили удостоить личным вниманием. Но ведь ни в чём подобном меня заподозрить просто невозможно: детство прошло без приключений; то же самое можно сказать об отрочестве и юности. Благополучно женился, благополучно развёлся. Не был, не состоял, не числился...

Знакомство

Глава первая, в которой Макс знакомится с ангелом

В один прекрасный день я отправился на свою обычную прогулку. Собственно говоря, за окном был уже не день, а поздний вечер. Прекрасного в нём тоже было мало: с утра с неба сыпалось что-то непонятное – не то снег с дождем, не то дождь со снегом.

Пройдя сквозь строй склонившихся от старости фонарей, я углубился в боковую аллею, которая хороша в первую очередь своей абсолютной пустынностью. Оно и понятно: на всю аллею два фонаря, один из которых, видимо, уже отсветил своё; во всяком случае, на моей памяти он не горел даже по большим праздникам. Короче, место это не особо светлое: при таком освещении ни с собакой не погулять, ни под ручку не пройти. А потому народ обходил этот уголок стороной, позволяя мне пользоваться им, так сказать, на правах единоличного собственника.

Теперь вам будет легче понять, каким было моё удивление, когда я заметил, что рядом со мной шагает – причём нога в ногу – какая-то фигура. Поскольку в тот момент, когда я обнаружил присутствие незнакомца, мы находились на максимальном удалении от исправного фонаря, я не мог разглядеть спутника, заметив лишь тёмный плащ и широкополую шляпу.

– Не люблю интриговать, – произнёс незнакомец, не замедляя шага. – Не люблю вступлений и разговоров про погоду. Хотел бы сразу представиться: ангел.

– Простите?

– Ангел. Оттуда. Сверху.

– Простите, Вы не...

– Давай на ты.

– Давай, – промямлил я, после чего собеседник, очевидно, решил дать мне прийти в себя, и некоторое время мы шагали молча. Тайм-аут оказался очень кстати. За это время я попытался вспомнить телефон «Вечерних братьев», которые, по слухам, помогают тем, у кого поехала крыша. Телефона я, правда, не вспомнил, зато повторил про себя прошлогоднюю мантру и выполнил дыхательное упражнение «Для общего успокоения нервов». Аутотренинг благотворно подействовал на мою чувствительную психику: я немного пришёл в себя и решил пустить всё на самотёк – будь что будет. Видимо, почувствовав, что во мне произошли какие-то благоприятные изменения, незнакомец продолжал:

– Давай знакомиться: Билл.

– Макс.

– Вот это уже лучше, Макс. Проблем и без того хватит.

– Без чего?

– Без того, чтобы усложнять общение условностями.

– Общение?

– Надеюсь, что это не последний разговор.

– А почему именно со мной?

– А почему нет?

– Вы... Ты не ответил на вопрос.

– Потом поймёшь. Всему своё время.

– Прости, Билл, но я – грамотный человек и... как бы это помягче сказать...

– В ангелов не веришь.

– Что-то вроде того.

– Ну и не верь. Я не заставляю. И вообще, если тебе легче, забудь о том, что я тебе сказал. Давай просто общаться. Ты ведь жаловался, что тебе не хватает общения?

– Откуда ты знаешь?

– Да так...

Последнее заявление Билла действительно сбilo меня с толку, ибо никому, кроме самого себя, я в этом никогда не признавался. Хотя, положа руку на сердце, это была чистая правда.

– А впрочем, так ли это важно знать – почему именно ты и откуда мне кое-что известно? Это тоже условности. Рассмотрим варианты: ты проговорился во сне; твоя знакомая нашептала своей подружке; та проболталась мне. Возьмем другой стиль: я умею читать твои мысли; прочитав в них кое-что, я этим кое-чем заинтересовался и решил познакомиться с тобой поближе. Что ты на это скажешь? Попытаюсь предсказать твою реакцию: в первом случае ты теряешь ко мне интерес, устраиваешь своей знакомой допрос с пристрастием, а та, в свою очередь, разбирается с подружкой. В результате мы имеем несостоявшееся знакомство и испорченные отношения. Посмотрим на второй вариант. Чтение мыслей – ты заинтригован! Вблизи – или на любом расстоянии? У одного человека – или у группы? Непроизвольно – или по желанию?

– А ты действительно читаешь мои мысли?

– Скажем так: я имею доступ к информации, заключённой в твоих мыслях, опуская эмоциональный и шумовой компоненты.

– Шумовой?

– То есть случайный: обрывки, неоформленные конструкции, в общем, мусор, который мы называем шумом.

Я задумался. Впрочем, это сказано слишком красиво – голова моя шла кругом и в тот момент ничего, кроме шума, наверное, не выдавала. По-видимому, Билл всё это прекрасно понимал, ибо тактично молчал, давая моему воспалённому сознанию остыть. Прошло несколько минут, а я всё ещё не мог сосредоточиться; обрывки мыслей сталкивались друг с другом и с глухим звоном рассыпались.

– Я думаю, что для начала довольно, – голос Билла вывел меня из состояния прострации, и я заметил, что мы успели снова оказаться в тёмном конце аллеи. – На днях продолжим, если ты, конечно, не возражаешь.

Я не возражал.

Привычка – вторая натура

Глава вторая, в которой Билл объясняет Макс, в чём смысл их бесед

Второй встречи пришлось ждать пару недель, и я уже перестал надеяться на то, что когда-нибудь снова увижу Билла. Правда, наше первое свидание не казалось мне от этого более иллюзорным. Что меня поражало больше всего – это свежесть ощущений. И это при моей-то памяти! Весь разговор с ангелом буквально впечатался в моё сознание; я помнил всё: слова, интонации, жесты.

Наступил март. Дни стали чуть длиннее, а мои вечерние прогулки – неторопливей. Теперь я выходил не для того, чтобы глотнуть воздуха и сбежать назад, в тепло; теперь можно было дышать и наслаждаться первыми весенними запахами.

Проходя в очередной раз мимо единственной в округе скамейки, я услышал:

– Привычка – вторая натура.

Билл! Это был он – ещё до того, как я успел обернуться, я узнал его голос. Несмотря на тёплый вечер, на нём был плащ и всё та же надвинутая на глаза шляпа.

– Приношу свои извинения, – несколько высокопарно начал Билл. – Ты, наверное, терялся в догадках, куда я исчез и появлюсь ли ещё когда-нибудь. По правде, я и сам этого не знал, но не потому, что не хотел, а по независящим от меня причинам.

Билл вздохнул.

– Ангелы – народ подневольный; пришлось ждать, пока *там*, – Билл ткнул пальцем вверх, – утвердят мой план. Но, слава Богу, всё это теперь позади, и мы с тобой будем встречаться так часто, как ты того пожелаешь.

– Именно я?

– Именно ты. Нам с тобой это нужно в равной мере, хотя и по разным причинам. Просто я это знаю, а ты ещё нет. Поэтому я буду появляться на этой скамейке каждый раз, когда ты захочешь меня увидеть. Но учти: желание должно быть настоящим. Со временем ты поймёшь, что есть подлинное желание, а что – прихоть.

Ангел сидел на скамейке с благодушным выражением на лице, чуть развалившись и закинув ногу на ногу. Я осторожно присел с краю.

– Знаешь, Билл, после нашей первой встречи я не раз задавался вопросом: почему я? То есть не в том смысле, что мне это не нравится, – наоборот! Мои приятели сдохли бы от зависти, если бы я рассказал им о наших встречах. Я просто не понимаю, чем могу быть тебе полезен; ни талантами, ни широкими познаниями я не отличаюсь. Кстати, почему ты вспомнил о привычке как о второй натуре?

– Ну, это просто. Ты уже пять лет гуляешь по одному и тому же маршруту, отклоняясь в ту или другую сторону максимум на пару метров. Это что касается привычек. А что до широких познаний и прочего, то их и не требуется.

– А что же требуется?

– С твоей стороны – просто быть; с моей – получить задание и выбрать себе подопечного. Ты подходишь мне по нескольким причинам. Во-первых, ты – сова, гулять предпочитаешь по ночам, что весьма удобно для спокойного общения. Я ужасно не люблю всей этой дневной возни: приходится повышать голос и растрчивать энергию на борьбу со звуковой какофонией. Но это не всё. Ты находишься на пороге принятия некоторых важных решений, которые в корне изменят течение твоей жизни, и я могу кое в чём тебе помочь. Есть и другие причины, но о них я говорить не имею права.

– Я, конечно, благодарен тебе и твоим... э-э... начальникам, что мне оказана такая честь...

– Можно без фиглярства.

– Нет, правда, Билл – ты даже представить себе не можешь, что я пережил после нашей первой встречи и как я ждал второй, но я боюсь, что чужим умом разбогатеть трудно; не знаю как ангелы, а люди до всего должны доходить сами.

– Не буду вдаваться в справедливость или спорность этого утверждения, но могу тебя успокоить: я не собираюсь лишать тебя возможности учиться на собственном опыте. Моя задача не в том, чтобы предложить тебе несколько практических рекомендаций, а в том, чтобы раскрыть смысл некоторых сложных и принципиальных вопросов. А уже твоё дело – решать, что с этим знанием делать.

– И с чего мы начнём?

– С некролога.

– А кто покойник?

– Лучше всего, если им будешь ты.

– Я???

– Ты самый.

– Вообще-то, я пока умирать не собираюсь...

– И очень хорошо! А то это сильно испортило бы мои планы.

– Извини, но хотелось бы знать, зачем всё это.

– Дорогой Макс, смею тебя заверить, что я предлагаю тебе в высшей степени полезное занятие. Всё, что тебе потребуется, – это немного воображения. Ты покойников видал?

– Конечно...

– Некрологи читал?

– Приходилось.

– Тогда – за дело.

Некролог – дело серьёзное **Глава третья, в которой Макс** **предлагает первый вариант некролога**

Через пару дней я показал Биллу первый вариант некролога. Не говоря уже о странном характере самой затеи, дело это – написание некролога по поводу своей собственной воображаемой кончины – оказалось занятием чертовски трудным. Однако поначалу я не подозревал, чего именно добивается от меня мой ангел, и, перелистав несколько старых газет, нацарапал следующее:

«Вчера на тридцатом году жизни от нас ушёл Макс. Смерть вырвала из наших рядов человека тонкой души, высоких помыслов и светлых идеалов. Всю свою короткую, но яркую жизнь Макс посвятил людям, отдавая им свою душу, своё горячее и беспокойное сердце. С малых лет его отличало желание нести добро. В отрочестве эти благородные черты обрели новые грани, а в юности его высокие устремления достигли новых высот. Мы никогда не забудем твои живые глаза и мягкую, добрую улыбку. Спи спокойно, дорогой Макс! Память о тебе будет вечно жить в наших сердцах».

– Идеально! – воскликнул Билл. – Идеальная чушь! Именно то, что надо.

Я был задет – текст, конечно, не Бог весть какой, но чушью я бы его не называл...

– Дружище, не расстраивайся. Ты всё сделал так, как умел. Теперь же нам предстоит написать *настоящий* некролог. Начнём сначала: «Вчера от нас ушёл...» Высокий стиль хорош для поэзии, а не для такого будничного события, как смерть.

– Ничего себе будничного!

– Конечно. Именно будничного. То есть каждодневного и не столь уж интересного. Я бы ещё понял, если бы ты настроился на возвышенные тональности по случаю перехода человека на другой уровень бытия. А тут – «от нас ушёл...». Скорбим и стенаем. И заодно представляем вчерашнего знакомого этаким – прости за каламбур – мёртвой схемой, трафаретным набором сплошных добродетелей.

– Но ведь о покойниках принято...

– Или хорошо – или никак. Этот припев мне знаком. А по-моему, уж лучше никак, чем смешить тех, кто его знал, и обманывать всех остальных. За редким исключением, покойник – нормальный человек, и ничто человеческое ему не чуждо. Если не действуют другие доводы, то хотя бы ради памяти о нём следует оставаться в рамках приличия.

– При чём же тут приличие?

– Да при том, что неприлично превращать человека в фантом, в какой-то мираж, начисто лишённый связи с недавней реальностью. Полуправда – которая, как известно, хуже лжи – особенно недопустима, когда человек переступил черту, переместился в мир иной. Поэтому, дорогой мой Макс, возвращайся на Землю и напиши что-нибудь человеческое.

Некролог – дело ещё более серьёзное *Глава четвёртая, в которой Макс предлагает новый вариант некролога*

На очередной встрече с Биллом я вручил ему страничку машинописного текста. Новый вариант дался мне нелегко – пришлось заставить себя отказаться от привычной для таких текстов лексики и настроиться на прозаический лад. В конце концов, после многочасовых страданий, я выдал следующее:

«Вчера мы попрощались с Максом. Его короткая жизнь (незадолго до смерти Макс исполнилось тридцать) не отличалась выдающимися достижениями или дерзкими начинаниями. Он часто брался за новые дела, но редко их завершал. Борьба с ленью (которая, как говорила мать Макса, раньше его родилась) обычно заканчивалась поражением; он перепробовал несколько специальностей, так ни на чём и не остановившись. Макс любил помечтать, но, как правило, дальше мечтаний дело не шло. Его друзья (к которым отношу себя и я) знают, что это был неплохой и незлобивый человек, хотя многочисленные неудачи на служебном и личном поприще нередко вызывали у него приступы ипохондрии; в такие минуты к нему лучше было не подходить (поверьте на слово). Мне лично жалко, что Макс ушёл так рано, хотя его мнения на этот счёт никто не знает. А вдруг ему всё это надоело? В общем, не знаю. С одной стороны, обидно; с другой – это его личное дело. Как бы то ни было, я буду с удовольствием вспоминать Макса, с которым мы провели много приятных минут».

– Так-так... Это уже лучше, – сказал Билл, прочитав текст. – Чувство реальности ещё не окончательно покинуло тебя. Правда, «личное» это дело или нет – и если да, то в какой мере, – вопрос спорный, и когда-нибудь мы постараемся в этом разобраться. А пока что тебе предстоит написать третий вариант.

– А чем плох второй?

– Как бы тебе это объяснить... Я хотел бы, чтобы ты заставил себя *улыбнуться*.

– ???

– Не смотри на меня как на сумасшедшего. Ты должен научиться правильно относиться к смерти; и если тебе это удастся – ты научишься улыбаться.

– Нет, это уже слишком! Я ещё – хотя и с трудом – могу понять, что тебя может не устраивать высокопарный стиль. Но смеяться над чужой смертью!

– Я сказал не «смеяться», а «улыбаться». Кстати, улыбка – это сверхживотная реакция, выполняющая множество функций. Если захочешь, мы обязательно поговорим об этом как-нибудь в другой раз, а пока что советую следующее: если хочешь оставаться человеком – улыбайся!

О смерти с улыбкой

Глава пятая, в которой Макс учится улыбаться

Третий вариант злосчастливого некролога отнял у меня больше всего времени. Поначалу я не мог даже думать об этом идиотском (других определений не находилось) задании. Я никак не мог взять в толк, зачем ангелу все эти упражнения. Но, следуя договору, я проглотил остатки гордости и для начала заставил себя успокоиться. Ибо очень скоро я понял: если не взять себя в руки, ни о каком изменении тона некролога не может быть и речи.

Осознание этой простой истины помогло мне задуматься над словами Билла. Что такое «правильно относиться к смерти»? Я размышлял об этом ещё в течение нескольких дней, но уже в совершенно ином настроении. Мне начало казаться, что я близок к пониманию чего-то очень важного. Действительно, думал я, почему смерть порождает только плач и стенания, в лучшем случае – сдержанную скорбь? Почему нам так трудно отказаться от этих, в сущности, эгоцентрических реакций? Не себя ли мы жалеем, восклицая: «Бедный имярек»? Лишаясь близкого человека, мы говорим, что смерть *отняла* его (унесла, вырвала из рядов и т.д.), то есть подчёркиваем состояние *лишённости* – а ведь это, как ни крути, чувство эгоистическое.

В общем, где-то недели через две я снова уселся за машинку и довольно быстро написал следующее:

«Вчера, во второй половине дня, мой давний приятель Макс «перешёл черту». Я считаю, что Макс согласился бы с этим определением: при жизни он любил выражаться высокопарно, типа «Рубикон перейдён», «за последней чертой» и «в гости к Харону». Что он там делает, я, к сожалению, не знаю; пока что старина хранит упорное молчание. Впрочем, не он один.

Так что же можно сказать о его короткой, но примечательной жизни «по эту сторону черты»? Честно говоря, немного. Мне кажется, что *там* его автобиография будет подлиннее. (Из достоверных источников мне известно, что там много второгодников и что относятся к ним вполне терпимо и даже милосердно.)

Но вернусь к Максусу. В школе (мы учились вместе) он в прямом и переносном смысле любил считать ворон, а потому обычно садился у окна, что позволяло беспрепятственно заниматься любимым делом. В институте он нашёл занятие поинтереснее: теперь он пересчитывал «пары стройных женских ног» (по-моему, это было всё, что он мог процитировать из классика).

Самым неудачным в его жизни был, видимо, период после окончания вуза. Перепробовав с десятков случайных занятий, он смирился с «судьбой», постоянно сетуя на «невезуху» и перебиваясь случайными заработками. В один прекрасный (для других, но не для него самого) день он смалодушничал по-крупному: взял и выпил какой-то гадости и приказал (остальным) долго жить.

Но всё это не означает, что я не буду вспоминать старину Макса добрым словом. Мы были симпатичны друг другу, и при всех его недостатках он был мужиком незлобивым. А уж если видел, что кто-то нуждается в его помощи, то всегда был готов откликнуться. (Без медвежьих услуг не обходилось, но это уже так, к слову). И уж если сравнивать его с другими двуногими, то есть куда более прискорбные варианты.

Вот из-за них-то, этих *прискорбных* случаев, и будем печалиться, а не из-за смерти Макса. Ему сейчас легко и свободно, чего не могу с такой же уверенностью сказать о себе».

Билл удовлетворённо хмыкнул. Я, естественно, был польщён.

– Ну, и зачем тебе всё это было нужно? – спросил я у ангела.

– Опять ты за своё. Нужно это тебе, а не мне. И то, что ты этого не понимаешь, сути дела не меняет. Ну да ладно. Ты не понимаешь и многого другого, а смерть, если уж честно, достаточно трудное для вас понятие. Хорошо. Давай обозначим несколько тем, в которые мы можем заглянуть на материале твоих некрологов.

Билл встал со скамейки и, заложив руки за спину, неторопливо зашагал по аллее.

– Видишь ли, мне придётся опробовать новый метод общения. Тому есть несколько причин, но тебе достаточно знать лишь то, что нам выделено не так много времени, а круг тем – весьма обширный. Поэтому я вынужден периодически – как бы это помягче сказать – удивлять тебя некоторыми начинаниями. Если ты привыкнешь к этому и не будешь тратить много времени на преодоление собственного смущения, то у нас может что-то получиться. Иными словами, если ты сможешь осваивать больше материала, чем твой предшественник, то я выполню свой план, а ты извлечёшь несомненную пользу из наших встреч. Но повторяю: это потребует от тебя нестандартного мышления и... – тут Билл остановился и посмотрел прямо в глаза, – способности принимать некоторые вещи на веру.

Не отводя глаз, он помолчал, а затем сказал:

– Принятие на веру – явление всегда временное; рано или поздно опыт либо подтверждает, либо опровергает то, во что мы верим. Ты сможешь убедиться в справедливости того, о чём я буду тебе рассказывать, но не всегда это можно будет сделать немедленно. Используемый ранее метод позволял мне аргументировать то, что я говорил своим собеседникам, сразу, но сейчас этой возможности нет.

– Принимать на веру... Не слишком ли многого ты от меня требуешь?

– Возможно, что слишком, – Билл слегка улыбнулся. – Но боюсь, что мы вкладываем в слово «слишком» прямо противоположный смысл.

– Не знаю, что имеешь в виду ты, но я понимаю это так: принимать на веру можно то, что недоказуемо – либо на время, либо в принципе. Мне кажется, что я вполне способен понять убедительную аргументацию; с другой стороны, твоя аргументация должна по определению быть более сильной, чем наша, человеческая. Если этот вопрос недоказуем до поры до времени, то давай отложим его на будущее. Если же речь идёт о недоказуемости принципиальной, то мы тратим время впустую. Так зачем же в таком случае принимать что-то на веру?

В течение всего этого, довольно эмоционального, монолога Билл радостно кивал в такт моей руке, которая выделяла основные интонационные пики этой тирады.

– Милый Макс, если бы ты внимательно посмотрел на свой собственный монолог, то этот вопрос был бы снят за ненадобностью. Но я буду исходить из того, что ты пока ещё выезжаешь на чутье, а не на осознанном понимании. В принципе, я тобой доволен.

– Чем же это учитель так доволен? Тем, что ученик заявляет, что ни во что не верит?

– Нет, я доволен тем, что ты злишься – значит, понимаешь, что неправ.

– Можешь считать, что хочешь, но я действительно не верю ни в какого бога!

– Не страшно. Как сказал один ваш священник, главное – это то, что Бог верит в тебя.

Неслабый пол

Глава шестая, в которой Билл задаёт каверзный вопрос

Наступил апрель, а я всё ещё не отошёл от серии некрологов по поводу собственной кончины. Смех смехом, но порой становилось жутковато: а вдруг и в самом деле *там* что-то знают и готовят меня к неожиданному концу? Размышляя таким образом, я даже не замечал, что уже начал проводить различие между «там» и «тут», хотя по-прежнему ни в бога, ни в чёрта не верил.

По этой причине мои прогулки вновь приобрели уединённый характер: мне хотелось хорошенько подумать и во всём разобраться. К сожалению, продолжалось это недолго.

В тот вечер я вышел попозже и, так как было уже очень прохладно, собирался побыстрее вернуться, чтобы нырнуть в тёплую постель.

– Ну что, приготовил вопрос?

Оказалось, что Билл поджидал меня в конце аллеи. Тёплая постель уплыла в неопределённое будущее.

– Ты знаешь, нет. Не успел.

– Не страшно, – как-то слишком легко и быстро заверил меня ангел. – Бывает. Тогда я могу задать тебе свой.

– А разве это... входит в сценарий наших отношений?

– Конечно. Ведь мы и так постоянно обмениваемся вопросами – про себя или вслух, что уже не важно.

Некоторое время мы молча шагали вдоль аллеи. На лице моего спутника быстро сменялись едва уловимые оттенки различных, порой явно противоречивых чувств. Казалось, что вопрос, который он собирался задать, интересен и неоднозначен.

Меня разбирало любопытство. Как всегда точно уловив моё настроение, Билл многозначительно улыбнулся и изрёк – да-да, именно изрёк:

– Как ты думаешь, почему женщины рожают?

Мне казалось, что я уже ко всему привык. Оказывается, я был слишком наивным.

– Прости, не мог бы ты уточнить...

– Мог бы. Пожалуй, ты даже прав – необходимо уточнение. Перефразирую свой вопрос так: почему именно женщины, а не мужчины, дают потомство?

Новый вариант мне не помог. Моя озадаченность вопросом не уменьшилась ни на грош. Я с удовольствием принял предложение сесть и передохнуть, но и этот тайм-аут ничего не изменил.

– Пожалуй, я пас.

К моему удивлению, Билл не выразил никакого разочарования. Скорее наоборот: на его лице появилась довольная улыбка, и он несколько высокопарно начал:

– Так вот, молодой человек, позвольте предложить вам своё видение этой проблемы. Хочу заметить: это сугубо моё, частное мнение, на истину не претендующее. Истина эта нам не сообщается, поскольку данная тематика рассматривается на следующей ступени существования духа. Если я успешно справлюсь со своим заданием, то вскоре попаду на соответствующую ступень. А пока мне остаётся только догадываться. Но подчёркиваю: ступень, о которой я говорил, – *следующая* по очередности, то есть я, в принципе, знаю и понимаю достаточно много, чтобы можно было попытаться *заглянуть* туда силой своего воображения, – последовала небольшая пауза, видимо, для того, чтобы я успел переварить сказанное. Ангел продолжал:

– Скажи мне: кому ты доверишь ответственное дело? Очевидно, тому, кто более приспособлен для успешного его выполнения, более компетентен. Теперь представь себе, что природа решает: кому доверить продолжение жизни? Кому доверить такое принципиальное, важное, ответственное и чрезвычайно сложное дело, как рождение и вскармливание потомства? На первый взгляд, мужчине: он сильнее, сможет лучше защитить младенца, быстро соображает, резво бежит. Чего ещё надо? Но, как мы знаем, вывод сделан прямо противоположный: рождает женщина. Почему?

Из уважения ко мне Билл опять помолчал, давая мне последнюю возможность как-то ухватиться за тему, но и это ни к чему не привело. Не желая мучить меня долгим молчанием, он продолжил:

– Интуиция. Всё дело в ней, – и снова замолчал, как будто этим было всё сказано. Я же пытался понять, каким образом интуиция может перевешивать на весах природы физическую силу и быстроту мышления. Однако странным это казалось только на уровне абстрактных рассуждений: внутреннего сопротивления я не чувствовал, скорее наоборот.

– Начну издалека, – продолжал тем временем Билл. – Сначала мы кратко коснёмся двух методов познания: аналитического и интуитивного.

Несколько минут прошли в молчании. Наконец мы дошли до скамейки, и Билл любезно предложил передохнуть. Правда, отдых получился относительный.

– Так вот, дружище: познание. Как вы познаёте мир. Вот с чего мы начнём.

Так начался один из самых интересных монологов за всю историю наших встреч с ангелом. Поскольку в то время бесед в собственном смысле этого слова практически не было – настоящие диалоги появились ближе к концу наших встреч, – я откажусь от прямой речи и просто перескажу идеи Билла так, как я их запомнил.

По мнению Билла, следует различать два метода познания: аналитический и интуитивный. За редкими исключениями, человек пользуется только первым из них – аналитическим. Особенно справедливо это для того, что принято называть научным подходом: здесь интуиция не признаётся вообще. И это несмотря на то, что многие выдающиеся учёные и изобретатели ссылались на интуицию как на основной источник «прорыва» в научную догадку или выдающееся изобретение.

Аналитический метод состоит из двух этапов: собственно анализа (откуда и название метода) и синтеза. Анализ заключается в попытке как можно полнее перечислить составные категории исследуемого предмета, явления или абстрактного понятия. Нередко категориальный состав бывает весьма условным из-за слишком общего характера категорий. Кроме того, люди склонны неправильно определять основные отношения – так называемые отношения включения, пересечения и исключения, – что ведёт к неправильному толкованию на стадии синтеза. Но самое главное – это *деструктивность*: то, что было единым целым, перестаёт быть таковым. Билл даже процитировал поэта, сказавшего, что мы отнимаем аромат у живого цветка.

Завершается анализ; начинается вторая стадия – синтез. Исследователь остаётся с препарированным объектом, превратившимся в аморфную грудку категорий. И теперь он пытается снова превратить эту грудку в исходное тело, тщетно надеясь на то, что сможет вдохнуть в неё жизнь, вернуть аромат погибшему цветку. Максимум, что ему удаётся, – это нарисовать некоторое *подобие* живого цветка; то есть синтез оказывается неудачным *в принципе*. И это уже не говоря о том, что при попытке воссоздания многие детали оказываются «лишними». Аналогия с ребёнком, разобравшим и «собравшим» будильник, напрашивается сама собой: ребёнок не разбирается в конструкции часов, а часовой мастер просто неспособен раскрыть сию премудрость неразумному дитя. Но к ребёнку претензий нет: у него нет необходимых знаний,

а знания можно добыть только с использованием совершенных орудий. Те же орудия, которыми пользуется человек, далеки от совершенства: наши органы чувств примитивны, и в помощь им человек создаёт почти столь же примитивные приборы. Но даже если представить себе, что более совершенные орудия были бы предложены человеку наготово, он не смог бы ими воспользоваться.

Кроме деструктивности, аналитический метод страдает неэкономичностью. Анализ и синтез требуют больших временных затрат, а результаты приходится выражать, используя столь несовершенную, громоздкую и неэластичную знаковую систему, какой является человеческий язык.

Есть и другой метод познания – *интуитивный*. В отличие от аналитического, он не разрушает исследуемый объект, а познаёт его в целом, «как данность». Знание о природе объекта и его функциях приходит сразу, то есть по своей экономичности он значительно превосходит конкурента. Интуитивный метод не пользуется формальными методиками, приборами, материальными или интеллектуальными орудиями. Он – по определению – пользуется только интуицией. Интуиция определяется ангелом как сверхсознательный информационный канал; подключение к этому каналу возможно в определённом режиме функционирования мозга. Главное условие – синхронизация полушарий: левое и правое полушария должны работать синхронно, причём наиболее сильный сигнал проходит на частоте, соответствующей состоянию глубокого расслабления.

Интуитивный метод уступает аналитическому только в одном: его трудно описать языковыми средствами. В принципе, это не удивительно: язык отражает аналитический метод познания и создан для обслуживания этого метода; интуиция, как нелинейный метод познания, нуждается в языке более высокого уровня. Идеографические языки могли бы достаточно успешно справиться с этой задачей, хотя и они очень мало сделали в этом направлении, поскольку в основном заняты обслуживанием всё того же примитивного метода.

Однако, как уточнил Билл, речь идёт не о сравнительных возможностях языков, а о двух методах познания – ещё точнее, о преимуществах женского пола над мужским: почему Природа доверила продолжение жизни именно женщине, а не мужчине?

Суть ответа заключается в следующем: именно интуиция даёт женщине неоспоримое преимущество над мужчиной. На физиологическом уровне это объясняется относительным отсутствием функциональной дихотомии полушарий мозга: женщина способна выполнять как аналитические, так и творческие операции, пользуясь обоими полушариями. Синхронное использование полушарий создаёт предпосылки подключения к интуитивному каналу. Вспомним о том, что новорождённый – существо беспомощное, не владеющее языком, а потому понимать его потребности приходится именно с помощью интуиции. Мать обычно выражает это словом «чувствовать» и тем самым принижает характер информации. Но винить её бессмысленно: как мы уже знаем, в её распоряжении просто нет языковых средств, способных адекватно выразить природу этого канала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.